

Metaphors in youth newspapers

There are regarded the semantic classifications of metaphors by N.D. Arutunova, V.G. Gak, V.P. Moskvina, G.N. Sklyarevskaya. There are analyzed the youth newspapers regarding the motivated, syncretic and associative metaphors of the meliorative and pejorative assessments. Based on the research there are revealed the similarities and differences of metaphor use in the thematic subgroups based on the suggested classification.

Key words: *motivated metaphor, associative metaphor, syncretic metaphor, meliorative assessment, pejorative assessment, neutral assessment.*

(Статья поступила в редакцию 29.01.2015)

О.Г. БОРИСОВА, Л.Ю. КОСТИНА
(Краснодар)

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОВОРОВ ПОЗДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КУБАНИ) *

На материале говоров Кубани анализируются особенности протекания эволюционных процессов, способствующих относительной стабильности и постоянной изменчивости лексико-фразеологической системы диалектов позднего образования.

Ключевые слова: говоры позднего образования, диалектная лексико-фразеологическая система, кубанский диалект, эволюционные процессы.

Судьба русского диалектного континуума обусловлена протекающими в нем эволюционными процессами, оказывающими существенное влияние на развитие современных диалектных лексических систем, количественные и качественные изменения в которых приводят к постоянной и неизбежной смене их инвариантных состояний. Коренная перестройка лексико-семантической диасистемы, произошедшая в XX в., была проанализирована вол-

* Работа выполнена в рамках научного проекта № 14-14-23001, поддержанного РГНФ.

гоградскими учеными [9]. Наблюдение в динамике эволюционных процессов, протекающих в словарном составе говоров, продолжает оставаться актуальным и в XXI в.

Для констатации происходящих в диалектных системах эволюционных изменений, безусловно, необходимо привлекать языковые факты хотя бы двух языковых срезов: некоторого исходного и современного состояний лексической диасистемы. В противном случае, «по изучению ... одного состояния лексики, без сравнения во времени с другим, возможно вывести лишь косвенные и, чаще всего, гипотетические закономерности» [6, с. 202]. Имеющиеся дореволюционные источники, отражающие диалектную лексику и фразеологию Кубани, позволяют принять за нижнюю границу (исходное состояние диалекта) конец XIX – начало XX в. Верхняя граница определяется современным состоянием говоров, тем временным отрезком, в течение которого проводился (проводится) сбор диалектного материала. В нашем случае это конец XX – начало XXI в. Такое понимание синхронного среза территориального диалекта согласуется с точкой зрения О.И. Блиновой, которая считает, что «по отношению к словарному составу современного говора “одна и та же эпоха” <...> равна периоду средней продолжительности жизни одного поколения носителей диалекта» [1, с. 98]. Поколение в народном сознании, как отмечает кубанский историк О.В. Матвеев, «обычно измерялось периодом от смерти главы семьи до момента смерти его старшего наследника. Выражение “это было при моем деде” подразумевает, что прадед в это время уже не жил, иначе бы событие датировалось по прадеду» [8, с. 132].

Исторически на территории Кубани складывались говоры с украинской и южнорусской языковыми основами. В начальный период формирования кубанских говоров их лексика и фразеология составляли разные лексико-фразеологические системы. Между тем в силу объективных причин экстра- и интралингвистического характера происходит постепенное смешение говоров. Определение лингвистического статуса современного кубанского диалекта как диалекта смешанного типа делает правомерным объединение двух лексико-фразеологических систем в единую макросистему, под которой понимается обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное об-

разование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определенным ареалом [3, с. 74]. Наиболее наглядно процесс смешения диалектов Кубани проявляется в лексике и фразеологии, что, однако, во многом вызвано не только динамичным взаимодействием двух лексико-фразеологических систем, их большей проницаемостью, но и наличием в местных говорах большого количества слов, параллельно пришедших на Кубань из генетически родственных украинского языка и южнорусских говоров. Тот факт, что изначально кубанские говоры с южнорусской и украинской языковыми основами обладают общностью на лексическом уровне, является их релевантной типологической особенностью, создающей благоприятную почву для естественного сближения.

Цель данной статьи – рассмотреть эволюционные процессы, определяющие развитие словарного состава кубанских говоров и обеспечивающие динамическое равновесие их лексико-фразеологической макросистемы.

Важную роль в изменении лексико-фразеологического пространства диалекта играют разнонаправленные процессы архаизации и неологизации. Исчезновение из диалекта слов и ЛСВ представляет собой сложное явление, совершающееся медленно и приводящее к постепенному выпадению лексической единицы из системы. Архаизация вызвана действием ряда социальных и социально-языковых причин, являющихся универсальными для говоров разных регионов. К ним относятся: 1) утрата реалий и связанных с ними процессов и действий; 2) изменение общественных и социальных отношений, происходящее под воздействием социально-экономических и культурно-исторических факторов; 3) мощное влияние литературного языка; 4) изменение состава носителей диалекта. Назовем еще один существенный фактор – ослабление языковой преемственности поколений. Представляется, что именно солидарность сменяющихся поколений и создает ту языковую преемственность, которая обеспечивает сохранность диалекта. Между тем изучение современной языковой ситуации в Краснодарском крае позволяет констатировать, что местный диалект в большей степени связывает его носителей в пространстве, чем во времени: молодежь в подавляющем большинстве отходит от материнского языка.

Процесс архаизации лексики, как известно, приводит к образованию историзмов и ар-

хаизмов. Среди историзмов считаем целесообразным выделять *актуальные* и *неактуальные историзмы* [2, с. 31]. К первым мы относим историзмы, для которых характерны частотность в рассказах о старине, соотнесенность с определенным историческим периодом, а также четкая семантизация, не вызывающая затруднений у носителей говоров (см., например, *беда'рка* 'одноконная повозка на двух колесах', *бу'карь*, *пу'карь* 'плуг «Буккер»', *ваганы'*, *но'чвы* 'деревянное корыто', *зем*, *земь*, *доли'вка* 'земляной пол', *ло'жни(ы)к* 'домотканое шерстяное или полушерстяное одеяло, подстилка', *мажа'ра* 'большая, с вытянутыми боками телега (обыкновенно для перевозки сена) // казачья телега для двух лошадей или волов', *по'риши* 'обувь из целого куска кожи, стягиваемого шнурком у щиколотки', *постолы* 'обувь из свиной кожи', *пра'ни(ы)к*, *рубель*, *рубле'ц(ь)* 'валек для стирки белья', *ход*, *ходо'к* 'низкая телега без бортов', *ча'пля*, *ца'пля*, *чапле'йка*, *чапли'йка*, *чаплия'* 'сковородник' и др.). *Неактуальные историзмы* имеют единичные фиксации в диалектных текстах, информанты не могут дать им точное толкование. Например, слово *вичня'ки*, которым называли себя первые поселенцы села Красносельского Динского района. Можно предположить, что существительное образовано от украинского прилагательного *вічний* и означало 'люди, приехавшие «на вечное», постоянное проживание'. Современные жители села объяснить значение слова затруднялись. Введение в научный оборот терминологических сочетаний *актуальный* и *неактуальный диалектный историзм*, во-первых, позволяет подчеркнуть привязанность этих лексем к актуальному времени, под которым понимается «большой или меньший отрезок прошлого, включенный в настоящее» [5, с. 63], во-вторых, демонстрирует актуальность устаревшего слова в прошлой жизни носителей говоров.

Намного сложнее выявить в говоре архаизмы, представляющие собой результат воздействий интра- и экстралингвистических факторов. При их квалификации целесообразно выделять *собственно архаизмы* и *архаизмы передового слоя*. *Собственно архаизмами* можно считать лексические единицы, полностью вышедшие из употребления и лишь иногда случайно сохранившиеся в отдельных населенных пунктах у отдельных лиц. Отметим, что такие лексемы сами информанты считают устаревшими, относя часть из них к «старинным казачьим словам», которые употребляли их деды и прадеды, а они уже так не говорят

(см., например, *волову'д* 'пастух, пасущий быков, коров', *за'влызды* 'ангина', *прать* 'стирать', *працюва'ть* 'работать', *фытаже'н* 'керосин', *ятро'вка* 'невестка, жена брата'). Архаизмы передового слоя – это слова и устойчивые сочетания, не функционирующие в речи представителей передового слоя говора, но входящие в активный словарный запас представителей его традиционного слоя, которые не воспринимают эти единицы как устаревшие (см., *вя'зы*, *вы'я* 'шея', *держа'ть* 'быть женатым на ком-л.', *дружи'на* 'супруг или супруга', *най'ти*, *най'ты* 'родить', *побра'ться* 'пожениться', *труна'* 'гроб' и др.). Разграничение двух видов архаизмов не только отражает степень употребительности лексической единицы, но и учитывает лексические различия между представителями передового и традиционного слоев говора, которые на Кубани весьма ощутимы.

Процесс неологизации приводит к образованию *актуальных* и *неактуальных* неологизмов [7]. В говорах к актуальным неологизмам относим территориально ограниченные слова или устойчивые сочетания, обозначающие новую реалию (предмет или понятие), находящиеся на начальной стадии своего вхождения в диалект (*бессме'ртник* 'террорист-смертник', *Ба'рбари* 'кукла Барби', *карао'ка* 'караоке', *конде'й* 'кондиционер', *па'ндерс* 'памперс', *гипно'з* 'наркоз', *коды'рство* 'кодирование от алкогольной зависимости', *хо'лод* 'сплит-система', *электросе'нс* 'экстрасенс', *электри'ска(я) гру'бка* 'электропечь' и др.). *Неактуальные*, относительные диалектные неологизмы, «неологизмы в прошлом» – это лексические единицы, не входящие в систему литературного языка, утратившие для носителей диалекта отпечаток новизны и «свежести» (*группово'дка* 'звеньевая', *ки'нцик* 'киномеханик', *ре'паный колхо'зник* 'простоватый, неотесанный человек', *стаха'новский котел* 'котел, в котором на полевом стане готовили еду для передовиков, стахановцев', *при(ы)ну'д* 'принудительная работа в колхозе за прогулы', *похва'льник* 'похвальный лист', *проце'нтицик* 'частное лицо, работающее в колхозе на уборке урожая за определенный процент от выработанного', *хапу'н* 'мешок зерна, украденный колхозником с тока', *электри'ка* 'электростанция' и др.).

Выявленные в кубанских говорах *актуальные* и *неактуальные неологизмы* представляют собой, как правило, варианты слов литературного языка, что обусловлено живым процессом освоения диалектом литературных

слов. Инновации, как известно, являются одним из источников пополнения словарного состава говоров, способствуют жизнестойкости и динамичности диалектных систем. В наши дни часть диалектных новообразований уже вытеснена из диалекта литературными эквивалентами, которые часто усваиваются современными диалектоносителями без искажения, в чем проявляется образовательная роль средств массовой информации.

Процессы архаизации и неологизации, будучи противоположными по своему характеру и результату, сосуществуют в пределах одного синхронного среза. Если в литературном языке эти тенденции в целом уравнивают друг друга, обеспечивая стабильность его лексического состава, то в диалекте устаревание диалектных лексических единиц протекает более активно, чем образование диалектных инноваций, что приводит к постепенному размыванию диасистем.

Между тем устаревание диалектной лексики и фразеологии не является прямолинейным процессом: в ряде случаев устаревшие лексические единицы или их значения, оказавшиеся по экстралингвистическим причинам в глубинных пластах лексической системы диалекта, вновь возвращаются в активный словарный запас. См., например: *круг*, *каза'чий круг* 'общее собрание казаков', *лю'бо* 'возглас одобрения на казачьем круге при избрании атамана или принятии какого-л. решения', *води'ть* / *води'ть Мы(а)ла'нку*, *мыланкува'ть*, *мыланкова'ть* 'разыгрывать при щедровании шуточную свадьбу Маланки и Василя (31 декабря и 1 января христианами отмечаются как дни святых Мелании Римляныни и Василя Кесарийского)' и др. Явление *реактуализации* стало заметной чертой нашего времени. В говорах Кубани оно связано прежде всего с активизацией казачьего движения, возрождением интереса к народной культуре, осознанием важности уважительного отношения к традициям предшествующих поколений.

Стабильность лексико-фразеологической системы говоров позднего образования обеспечивается процессом консервации значений слов материнских лексических систем. Результаты верификации лексических единиц по словарям украинского языка и СРНГ демонстрируют, что, как правило, слова материнских говоров (украинских и южнорусских) функционируют на территории распространения кубанского диалекта в своих исконных значениях. См., например, *борода'* 'подбородок', *виски'(ы)'* 'волосы', *вя'зы* 'шея', *гле'(э)чик*

‘глиняный кувшин’, *го'лка* ‘1) иголка; 2) вязальная спица’, *горо'д* ‘огород, двор’, *гори'(ы)ще* ‘чердак’, *грак* ‘грач’, *каба'к* ‘тыква’, *каву'н* ‘арбуз’, *ки(ы)рна'тый* ‘курносый’, *ко'чет* ‘петух’, *кра'сный* ‘1) рыжий; 2) коричневый’, *кура'й* ‘раст. перекасти-поле’, *маки'(ы)тра* ‘1) глиняный горшок; ирон. голова’, *най'ти* ‘родить’, *ня'ня* ‘старшая сестра’, *пиро'г* ‘хлеб’, *си'льный* ‘обильный (об урожае)’, *спева'ть* ‘петь’, *сыр* ‘творог’, *ховать* ‘1) прятать, 2) хоронить’, *шукать* ‘искать’ и др.

Противоположным процессу консервации выступает процесс редукции семантической структуры слов материнских языков. Полагаем, что во многих случаях более корректно говорить об отсутствии данных об употреблении слова в том или ином значении. Между тем отдельные факты очевидны (речь, бесспорно, не идет о тех случаях архаизации, когда значение слова «угасает» или вообще «умирает естественной смертью» в силу исчезновения обозначаемой реалии). Инволюционные изменения в семантической структуре лексических единиц материнского языка правомерно рассматривать на синхронном срезе. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие процесс утраты значения/ий слов материнского языка. Слово *банду'ра*, записанное и в черноморских, и в линейных станицах, в кубанские говоры могло прийти либо из украинского языка, либо из украинского через посредство русского (МАС приводит его следующее толкование: ‘украинский многострунный щипковый музыкальный инструмент с широким грифом’ [11, I, с. 61]). В кубанском диалекте эта лексема, как и в украинском языке, употребляется также в значении ‘громоздкая вещь’, которое возникло на основе метафорического переноса по внешнему виду. Между тем значение ‘картофель, растертый картофель’, зарегистрированное в украинском языке [4, I, с. 26], в наших материалах отсутствует. Лексический диалектизм *горобе'[е/э]ц(ь)* ‘воробей’, имеющий на Кубани широкий ареал, представляет собой в местных говорах моносемант. В украинском языке у слова зафиксировано еще два ЛСВ: ‘1. Название вола, цветом подобного оперению воробья. 2. Род орнамента на писанках’ [4, I, с. 314], которые в наших материалах не зафиксированы. В южнорусских говорах (курских, воронежских, донских) существительное также служит для номинации воробья, при этом в курских говорах этим словом называют и соловья [10, вып. 7, с. 54], что для Кубани не характерно. Как показал опрос носителей диалекта, слово *мете'[э]*

лык на Кубани, как и на Украине, номинирует бабочку, мотылька; во втором же значении – ‘листочка, прокламация’, отмеченном в словарях украинского языка (ср. [12, IV, с. 687]), эта лексема в местных станицах не зарегистрирована.

Существенную роль в изменении лексического состава говоров играет образование локальных ЛСВ и собственно локализмов. Локальные семантические преобразования, которым в кубанских говорах подвергаются общерусские и диалектные лексические единицы, наглядно демонстрируют, что приращение новых значений, как правило, сопровождается переосмыслением, приводящим к качественным преобразованиям в семантике слова. Так, на Кубани лексема *бу'зиво'к*, помимо полидиалектного значения ‘годовалый теленок’, употребляется также еще в двух переносных локальных ЛСВ ‘о крупном, здоровом мальшке мужского пола’ и ‘о шустром, бесполом мальшке мужского пола’, образованных в результате метафорического переноса. Лексема *журба'* в украинском языке зафиксирована в двух ЛСВ: ‘1. Печаль, кручина, горесть, тоска, забота. 2. Траурный платок’ [4, I, с. 493], в южнорусских говорах это слово – также полисемант: ‘1. Печаль, горе, огорчение. 2. Забота’ [10, вып. 9, с. 230]. На Кубани, помимо первого значения, у существительного записаны еще два локальных ЛСВ, в основе которых лежит метонимический перенос: ‘1) о грустном, печальном человеке; 2) грустная, народная песня’. См. также локальные ЛСВ следующих слов: *бара'н*, *душа'*, *москва'* ‘сердцевина, мякоть арбуза’, *буга'й* ‘о мужчине с громким голосом’, *весло'* ‘деревянная лопата для выпекания бубликов’, *вет'ка* ‘дерево’, *глазо'к* ‘отверстие в ухе для серьги’, *капу'ста* ‘несобранный, медлительный человек’, *козел* ‘первая волна при наводнении’, *маки'тра*, *макы'тра* ‘о женщине с пышными формами’, ‘о хитрой женщине’, *маку'ха* ‘нерасторопный человек’, *му'рый* ‘хитрый’, *пасти'сь* ‘собирать мед (о пчелах)’, *сапе'тка* ‘сарай для хранения кукурузы’, *тру'женица* ‘рабочая пчела’ и др. В поисках новых средств выражения в кубанских говорах используют общерусские и диалектные слова, перерабатывая их в семантическом плане, придавая им новые номинативные или экспрессивные функции. Гибкость, изменчивость, подвижность семантической структуры лексических единиц, функционирующих в кубанском диалектном континууме, является показателем принципиальной неисчерпаемости их потенциальных значений.

К собственно локализмам относятся лексические единицы, образовавшиеся на кубанской почве. Рассмотрим некоторые лексемы. *Би'тка*, *бо'йка*, *двигалка*, *струга'чка* 'приспособление для рубки камыша зимой, представляющее собой лезвие с двумя ручками и щитом' – в наименовании данного механизма проявился прагматический подход носителей говоров к номинации активных орудий труда: в основе мотивации лежит совершаемое субъектом действие, необходимое для приведения механизма в рабочее состояние. *Ку'барь* 'раст. бутень опьяняющий; в голод употреблялся в пищу' – многие информанты легко вспоминали данное наименование, как правило, в однотипных контекстах. Во время голода очищенный стебель *ку'баря* ели чаще всего дети; растение имеет сладковатый вкус, приглушающий чувство голода, однако его употребление приводит к головокружению, состоянию, близкому к наркотическому отравлению. При номинации актуализируется именно состояние человека после принятия растения в пищу (ср. наречие *ку'барем*, глаголы *кубырка'ться*, *кубыря'ться* 'кубыркаться'). Слово *ле'зкобы'тник* 'лентяй' (г. Усть-Лабинск) имеет прозрачную внутреннюю форму, которая позволяет в семантической структуре сложного существительного выделить не только сему 'бездельник', но и семы 'любитель легкой жизни'. *Лоба'нь* 'крепкий, здоровый, но ленивый мальчик или мужчина' (ст-ца Бородинская). В аналогичном значении СРНГ фиксирует в курских говорах существительное *лоба'рь* [10, вып. 17, с. 95]. МАС регистрирует у слова *лоб* просторечный ЛСВ, имеющий оттенок пренебрежения: '2. О подростках, ставших большими, взрослыми детях' [11, II, с. 261]. *Муша'тить* 'много и тяжело работать' (хут. Ильич) – фонетический состав корня глагола позволяет предположить его родство с существительными *машта'к* 'порода низких степных лошадей, сильных и выносливых, но не обладающих большой резвостью' и *муша'к* (записано в ст-це Копанской в устойчивом сравнении *як муша'к* 'о человеке, который способен много работать'). *Свеку'рва* 'свекровь' – ни один из многочисленных диалектных вариантов наименования свекрови, зафиксированных в лексикографических источниках, не обладает экспрессивной заряженностью. Кубанский диалектизм образован посредством свертывания синтаксической конструкции. Яркая отрицательная коннотация появляется и благодаря языковой игре: ср. *свекро'вь* – *ку'рва*. Отметим, что *ку'рвой* но-

сители русских говоров называют сплетницу, плутовку, хитрого лицемерного человека (см. [10, вып. 16, с. 113]). Как правило, собственно локализмы создаются по продуктивным словообразовательным моделям, характерным как для литературного языка, так и для русских диалектов.

Процесс образования локализмов в кубанском диалекте может давать неодинаковые результаты: в одних случаях они входят в общекубанский лексический пласт или в одну из подсистем лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта (говоры с украинской и южнорусской языковыми основами), в других – ограничиваются говором одного населенного пункта. Так, широкую дистрибуцию имеют в кубанских говорах локальные ЛСВ следующих слов: *бала'кать* 'говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой', *ве'тка* 'дерево', *душа'* 'сердцевина, мякоть арбуза' и др. Узколокальными, по нашим наблюдениям, являются такие ЛСВ, как *буга'й* 'большой палец на руке' (ст-ца Некрасовская), *венча'ться* 'медленно и бестолково делать что-л., теряя время; возиться, медлить', *жени'ться* 'делать что-л. с шумом' (ст-ца Павловская), *до'бропрокля'тый* 'вспыльчивый, но отходчивый человек' (ст-ца Вышестеблиевская), *пелю'стка* 'легкая одежда' (ст-ца Новокорсунская) и др. Представленность / непредставленность локализмов в разных микросистемах отражает неравномерность проявления в кубанском диалекте общих возможностей системы. В целом семантическое варьирование диалектных и общерусских слов и рождение региональных лексических единиц играют важную роль в организации диалектной лексической системы в синхронии.

Менее активным является такой эволюционный процесс, как расщепление коннотации, затрагивающий отдельные диалектные единицы. Различная эмоционально-оценочная характеристика слов вызвана этнической и социальной неоднородностью жителей кубанских станиц, а также колебаниями в эстетических оценках. Так, глагол *бала'кать* '1) говорить; 2) говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой' во втором (собственно кубанском) ЛСВ обнаруживает двойственную эмоциональную тональность, как и существительные *бала'чка*, *бала'канье* 'кубанский говор с украинской языковой основой'. Как правило, пренебрежительный оттенок слова имеют в станицах, где складывались говоры с южнорусской языковой основой. Однако в боль-

шей части носители говоров относятся к местному диалекту почтительно. Записаны многочисленные высказывания, в которых информанты с очевидным сожалением признают, что речь молодежи отходит от материнского языка. Неоднозначную оценочную характеристику имеет прилагательное *гладю'чий* 'толстый, упитанный'. Суффикс -юч- выражает высшую степень качества и является в кубанских говорах довольно продуктивным. Замечено, что носители диалекта чаще употребляют слово *гладю'чий* с негативным, презрительным оттенком: *Ната'шка така' гладю'ча. Я кажу': «То'мка, нэ дава'й ты ей' фся'кы пы'ндыкымы'ндыкы»* (ст-ца Платнировская). Однако эта лексема может иметь и положительную коннотацию, поскольку упитанность, дородность всегда вызывали одобрение, особенно по отношению к женщине, девушке: *Та в йи'х там така' гладю'ча, га'рна ди'вка* (ст-ца Елизаветинская). Расщепленной коннотацией обладают глаголы *кула'чить / покула'чить, позакула'чивать* 'раскулачивать / раскулачить', а также отглагольное существительное *раскула'чка* 'раскулачивание'. Процесс коллективизации, строительства колхозов и связанное с ним раскулачивание казаков проходили на Кубани сложно и драматично. Отношение к нему было далеко не однозначным даже среди тех казаков, которые приняли советскую власть. Интересен контекст, записанный в ст-це Северской, в котором у одного и того же информанта в пределах одного высказывания наблюдается двойственная оценка раскулачивания: *Булы'у на'с куркули', да йи'х и в на'ймы ходы'лы, кула'чили йих, высыла'лы. Адна' сямья' то'ко и вирну'лась у сваю' ха'ту.*

Рассмотренные эволюционные процессы, протекающие в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров, обусловлены историческим развитием кубанского диалекта, а также внутренними законами его существования. Динамичность, активность одних процессов и статичность, ригидность, торможение других обеспечивают как эволюцию лексико-фразеологической системы говоров, так и сохранение важнейших составляющих ее прежнего состояния.

Список литературы

1. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: материалы для спецкурса. Томск, 1975.
2. Борисова О.Г. Архаизация и неологизация лексики и фразеологии кубанских говоров: статика и динамика системы // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 67. С. 31–34.

3. Борисова О.Г. Теоретические основы изучения лексики и фразеологии кубанских говоров как макросистемы // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2 (45). С. 73–74.
4. Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Киев, 1958.
5. Караулов Ю.Н. Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы // Вестник МГУ. Филология. 1970. № 1.
6. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология: состояние и перспективы. М., 1979.
7. Лыков А.Г. Асимметризм русского слова // Вопросы русистики. Избранное. Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003.
8. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.
9. Орлов Л.М., Кудряшова Р.И. Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград, 1998.
10. Словарь русских народных говоров. Т. 1 – 46. М.–Л., СПб., 1965–2013. (СРНГ)
11. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1957–1961. (МАС)
12. Словник української мови. Київ, 1970–1980. (СУМ)

* * *

1. Blinova O.I. Vvedenie v sovremennuju regional'nuju leksikologiju: materialy dlja speckursa. Tomsk, 1975.
2. Borisova O.G. Arhaizacija i neologizacija leksiki i frazeologii kubanskih govorov: statika i dinamika sistemy // Vestn. Cheljab. gos. un-ta. Filologija. Iskusstvovedenie. 2012. Vyp. 67. S. 31–34.
3. Borisova O.G. Teoreticheskie osnovy izuchenija leksiki i frazeologii kubanskih govorov kak makrosistemy // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2012. № 2 (45). S. 73–74.
4. Grinchenko B.D. Slovar' ukrainского jazyka: v 4 t. Kiev, 1958.
5. Karaulov Ju.N. Jazykovoe vremja i jazykovoe prostranstvo (o ponjatii hronoglossy // Vestnik MGU. Filologija. 1970. № 1.
6. Kogotkova T.S. Russkaja dialektnaja leksikologija: Sostojanie i perspektivy. M., 1979.
7. Lykov A.G. Asimmetrizm russkogo slova // Voprosy rusistiki. Izbrannoe. T. 2: Leksikologija. Krasnodar, 2003.
8. Matveev O.V. Istoricheskaja kartina mira kubanskogo kazachestva (konec HVIII – nachalo HH veka): kategorii voinskoj mental'nosti. Krasnodar, 2005.
9. Orlov L.M., Kudrjashova R.I. Russkaja dialektologija: sovremennye processy v govorah. Volgograd, 1998.
10. Slovar' russkih narodnyh govorov. T. 1 – 46. M.–L., SPb., 1965–2013. (SRNG)

11. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M., 1957–1961. (MAS)
 12. Slovník ukrajinš'koj movy. Kiiv, 1970–1980. (SUM)

Evolution processes in the lexical and phraseological space of dialects of later formation (based on Kuban dialects)

Based on the Kuban dialects there are analyzed the peculiarities of evolution processes that favour the stability and constant changeability of the lexical and phraseological system of dialects of later formation.

Key words: *dialects of later formation, dialect lexical and phraseological system, Kuban dialect, evolution processes.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКИ

С.С. ПАНФИЛОВА
(Саранск)

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГИПЕРТЕКСТЕ

Рассмотрены способы реализации межкультурного взаимодействия в гипертексте в рамках современной литературной коммуникации. В этой связи был проведен лексический анализ ряда англоязычных отзывов на художественные тексты, размещенные на интернет-сайтах. В результате были определены два вектора межкультурной коммуникации в англоязычном гипертексте, а также выявлены основные средства их языкового выражения.

Ключевые слова: *гипертекст, литературная коммуникация, художественный текст, отзыв, антропоним, эпоним.*

В настоящее время гипертекст вызывает значительный интерес со стороны лингвистов. На наш взгляд, стабильное внимание к разработке данной проблемы обусловлено большим

исследовательским потенциалом данного феномена в связи с его принадлежностью как к электронной, так и к неэлектронной письменной коммуникации. С одной стороны, гипертекст рассматривается как явление, порожденное компьютерными технологиями и функционирующее в рамках электронного дискурса. Так, появление электронного носителя информации породило новый способ организации текстового пространства посредством включения в него неограниченного количества текстовой, аудио- и видеoinформации, связанной гиперссылками, обеспечивающими быстрый внутритекстовый и (или) межтекстовый переход [5, с. 46]. Ярким примером в данном случае является интернет-текст. С другой стороны, под гипертекстом понимают и неэлектронную форму представления информации – это бумажные словари, справочники, энциклопедии, которые состоят из отдельных текстов, представляющих определенные фрагменты человеческого знания и объединенных общей тематикой. Таким образом, в обоих случаях гипертекст рассматривается как сверхтекст или супертекст, т.е. массив текстов, имеющий нелинейную, многокомпонентную структуру.

Много споров вызывает трактовка гипертекста как неэлектронного текста. Большая часть исследователей языка, придерживаясь традиционной точки зрения, считает, что реализация нелинейности как главного свойства гипертекста возможна исключительно на электронных носителях, которые являются его естественной «средой обитания». Кроме того, последователи данного подхода полагают, что гипертекст может полноценно существовать только при условии включения его во всемирное виртуальное пространство – сеть Интернет [1, с. 4; 3, с. 130]. На наш взгляд, данный подход охватывает лишь одну из сторон реализации такого многоаспектного феномена, как гипертекст. Поэтому в теоретическом плане целесообразным представляется исследование данного феномена вне привязки к типу материального носителя информации. В этой связи один из продуктивных подходов состоит в рассмотрении гипертекстуальности как разновидности смыслового взаимодействия отдельных текстов, находящихся во внешнем пространстве по отношению друг к другу [2, с. 43; 5]. Таким образом, к гипертексту, среди всего прочего, можно отнести и текст (печатный или электронный), возникший на семантикотематической основе базового текста в каче-